

БУРЯ

РАССКАЗ

Современная художественная проза Саудовской Аравии еще очень молода. Писатели этой страны многому учатся у своих более опытных собратьев по перу—египетских, сирийских, ливанских литераторов. Но уже в первых опытах аравийских прозаиков явственно проступает прогрессивная направленность их творчества. Писатели Саудовской Аравии посвящают свои произведения борьбе против хэзайничанья империалистов в стране, против бесправия масс, нищеты и социального неравенства.

Одним из представителей этой молодой литературы является Юсуф бен аш-Шейх Якуб, рассказ которого публикуется ниже. Это первое знакомство советского читателя с современной литературой Саудовской Аравии.

БУРЯ ревела и выла на разные голоса, то громко и хрюпло, то пронзительно, то шипела, словно змея. Лачуга сотрясалась от резких порывов ветра; он с воем врывалялся во все ее щели. Жестокий холод острыми иглами колол тело человека, скорчившегося, как улитка, внутри лачуги. Человек спал, завернувшись в ветхий черный плащ, выброшенный каким-то погонщиком скота. Бедняк подобрал его, чтобы хоть немножко согреть свое изможденное тело. Вихрь яростно обрушивался на жалкую хижину, как бы желая смести ее со своей дороги.

Человек открыл воспаленные глаза, желая убедиться, действительно ли это буря,—может быть, это стучится чиновник городской управы, который уже приходил днем. Он приказал сломать все лачуги—они портят вид этой улицы, где расположены дворцы и красивые большие дома. Слава Аллаху! Это буря, а не страшный чиновник. Но и природа как будто сговорилась с чиновником и выпустила на волю всех шайтанов из ада, словно и она согласна: нужно уничтожить эту лачугу, чтобы она не оскорбляла взоров.

Борьба между хижиной и бурей становилась все острее. Вскоре жалкая лачуга не смогла больше сопротивляться разыгравшейся стихии и затрещала, разваливаясь. Человек стер пыль с лица и, испуганно взглянув вверх, увидел далекие, бледные звезды. Сильный порыв ветра подхватил крышу его жилища, погнал по улице, разбил на куски, и они долго кружились в воздухе, пока не опустились под окнами высокого дворца. А дворец, казалось, насмехался над бурей, бессильной даже поколебать его, насмехался над несчастной лачугой и ее хозяином, оставшимся без крова в эту студеную ночь.

Человек, еще не совсем очнувшийся от сна, зевая, шагнул в темноту. Зубы его стучали от холода, хилое тело дрожало, как лист на ветру. Буря не пощадила его, отняла у него самое ценное, чем он владел в этом мире. Она унесла его черный плащ. Может быть,

вернуться, поискать? Но разве можно что-нибудь найти в такой кромешной тьме? Человек углубился в один из узких переулков спящего города. Его охватила глубокая могильная тишина. Не было слышно ничего, кроме скрипа мелких камешков под его босыми ногами. Он остановился, припоминая свой прерванный сладкий сон. Ему снилась вкусная еда. Он лег спать на тощак. Его желудок скимался от голода. Что делать? Как достать еду в такой поздний час? Он голоден... Он хочет есть! Собаки подбирают остатки пищи, которую выбрасывают из богатых домов. Но и собаки сейчас голодны. Если бы они не были голодны, они не выли бы так тоскливо.

Он медленно двинулся дальше и вскоре подошел к одному из высоких дворцов. Дворец высился во мраке, как злой дух. Его обитатели, наевшись хороши, вкус-зашевелилась какая-то тень. Это был вооруженный стоял в темноту. Он долго брел по ночных улицам и вдруг увидел широко раскрытую дверь. Полоса бледного света лежала на мостовой. Сторожка не было. Осторожно, с бешено колотящимся сердцем, человек приблизился к двери. Муки голода стали еще более жестокими. Он вытянул шею, взгляд его напряженно блуждал по стенам. Затем одним прыжком он очутился в доме. Ноздри его затрепетали, уловив запах вкусной пищи. Он попал в кухню, и, к его радости, котел стоял на огне. Нет сомнения, это предутренний завтрак—ведь сейчас месяц Рамадана¹. Готовый кричать от радости, найдя то, что могло поддержать его существование, он поспешил сбросил крышку с котла; звон ее разнесся по кухне. Однако, когда он заглянул в котел, улыбка исчезла с его лица, оно вновь стало мрачным. Там оказалось не каша или суп, как он думал, а

¹ По предписаниям религии, во время Рамадана мусульмане должны воздерживаться от пищи и питья от восхода до заката солнца. (Прим. ред.)